

Минор Кан

Система Энук

Минор Кан
Система Энук

«Автор»

2026

Кан М.

Система Энук / М. Кан — «Автор», 2026

Героиня этой книги живет с диагнозом биполярное расстройство. Я и сама знаю об этой болезни не понаслышке. В этой истории болезнь, которая по сути своей как тяжелое облако из множества симптомов и проявлений, получает свой конкретный облик. Воображаемые монстры становятся настоящими. И теперь можно их победить, а созданную ими систему - разрушить. Я попыталась описать, как человек с диагнозом БАР видит мир. Как мир видит его. Как он сам видит себя через искаженное диагнозом восприятие. Но в отличие от ситуации в реальности, у него есть возможность все изменить.

© Кан М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Минор Кан Система Энук

Глава

Цикл «F31.8»

Книга Первая

Система Энук.

Самолет пошел на снижение, делая круг над живописной россыпью островков. Я вперилась взглядом в эти кусочки суши изо всех сил. Будто вот сейчас должно случиться что-то необыкновенное: проступят письма, раскрывающие старые тайны или выйдет из моря огромная призрачная фигура моего прапрадеда и помашет мне рукой.

Момент был действительно нерядовой: прошло более ста лет с того времени, как наш предок покинул Корею и каким-то образом оказался в Сибири. И я первая из нашей семьи проделала путь обратно, через много лет после его смерти. Доставила, так сказать, на родину корейскую часть семейных молекул ДНК – пусть и ненадолго, как турист.

В первой половине двадцатого века родственник прибыл в Россию и как-то прожил там свою недолгую жизнь. Что делал, куда пропал – никто не знает. Документов не осталось, а устная информация о заграничных родственниках передавалась из поколения в поколение неохотно. Осталась только его короткая корейская фамилия в наших свидетельствах о рождении.

Мог ли он предположить, что в итоге память о нем канет в Лету? Что даже такие недалекие по времени потомки, как его внуки, будут пожимать плечами – не видели, не знаем, что и как у него сложилось. А потом уйдут и они.

С достоинством взирает прапрадед с единственной черно-белой фотографии: щегольски одетый (по версии, он работал по дипломатической части), лицо худое, с изломанными чертами. А на соседнем кресле его жена: суровая русская Мария.

«Мы ничего не будем знать о вас», – хочется мне ответить на ее прямой взгляд.

Не знаю, о чем думал молодой прапрадед Кан, все больше и больше отдаляясь от своей родины в день отъезда. Но я, становясь все ближе и ближе к корейским островам по мере снижения самолета, думала только о нем.

На следующий день я шагала по сеульским улицам и всматривалась в лица прохожих. Может быть, мы родственники вон с тем мужчиной? С этой девушкой? Как-то раз мне встретился человек, настолько похожий на всю мужскую часть нашей семьи, что я едва с ним не поздоровалась. Яркое, выразительное лицо: будто высеченные из камня ломаные черты, красивый рот.

Разумеется, я просто прошла мимо. Общительной меня не назовешь.

Канов в Корее, как известно, кишмя кишит. Все они имеют свой отличительный знак: пон, который указывает на место, откуда произошёл основатель клана. Есть Каны чхинчжуйские, есть пэчхонские, и так далее. Которые же из них мы? Неизвестно.

Помимо биографических фактов, связанных с нашими предками, меня интересовал такой вопрос: а не этот ли самый корейский прапрадед передал мне склонность к затяжной

хандре? Нуждался ли он сам в антидепрессантах? Хотя, представив себе то суровое время, в которое мистеру Кану выпало жить и невесть куда сгинуть, я горько засмеялась. Антидепрессантов точно не было в верхней части списка покупок Кана-аджосси.

Так называемая хандра доставала меня с самого детства, месяцами или даже годами. Помню себя, например, пятилетним ребенком, у которого совершенно нет желания что-то делать. Которого к этому возрасту уже все достали, и мир вокруг казался мне невероятно скучным. И это к пяти годам! Но, в то же время, я очень боялась строгости взрослых, поэтому заставляла себя выполнять то, что мне говорят. Особенно в школе. И заставляла и заставляла. И до сих пор так делаю.

– Эта Кан вечно что-нибудь недоучит! – как-то раз заметила одна из учителей. Это правда. Я старалась, зубрила, но мозг часто бунтовал и отказывался дочитывать, дозапоминать. Я могла просто остановиться на какой-то строчке заданного параграфа и не читать дальше. А на уроке с блеском пересказать только первые две трети текста.

Впрочем, эта длаящаяся тоска и лень ума всегда сменялись периодами душевного подъема. Я становилась эйфорийно-беззаботной и с легкостью воплощала все свои вдруг появившиеся идеи в жизнь. Насколько бы они не были глупы. В такие дни мне все казалось интересным, а люди – хорошими. При всей своей замкнутости, я могла первой заговорить с незнакомцем. Записаться в секцию карате, проявить неожиданную инициативу в общественной жизни. И потом не знать, как из всего этого выписаться обратно...

День за днем удавая лихость набирала обороты. Обострялась невесть откуда взявшаяся подозрительность. Шальное веселье сменяли приступы ярости, а потом вновь шло сваливание в тоску и апатию.

Потому что мой чугунок переполнялся нездоровым восторгом от жизни и в итоге пыхтел и лопался.

В этом беличьем колесе, без возможности с него спрыгнуть, я и крутилась уже двадцать восьмой год. Хотя внутри ощущала себя куда более ветхой. Прожившей десятки разных жизней и все на свете повидавшей.

Повзрослев, я быстро осознала: работа мне подходит только примитивная. Которую можно было выполнять на автомате, параллельно слушая жужжание своего нездорового разума. Телефонный консультант, оператор фотомашин. Оттарабанила – и с облегчением домой. А вот вести какие-то проекты, требующие вовлеченности, креативности, стабильности в поддержании всего процесса, – это увы.

Поэтому неудивительно, что я хотела бы знать, откуда у меня это все взялось. Кто передал?

Однако, в сфере личной жизни чудеса случаются у всех: последние два года я живу с бойфрендом. Его зовут Адриан, и вот он-то как раз никогда не пребывает в унынии! Ему нравится жить. То есть, он не говорит «мне нравится жить». Просто не осознает этого. Способность радоваться жизни Адриан принимает как данность. А зря! Это не данность, а подарок.

Вот так и живем, как солнышко и туча.

Адрианом его нарекли родители, почитающие все старинное, исконное и сермяжное. Но вычурное имя несколько не мешает ему наслаждаться каждым днем. Летом Адриан, сокращенно – Дрюша, самозабвенно плещется в реке, а зимой выскакивает из баньки в снег голышом.

Хотя мне ли подшучивать над странными именами? Меня зовут Римма. Очень приятно. Не знаю, будет ли вам также приятно, когда вы прочтете хотя бы половину этой истории. Не факт.

Иногда родители называют ребенка в честь какого-то друга или подруги. Позднее судьба их с этим другом разводит, и где он? Неизвестно и никому не интересно. А Римма – вот она.

Секрет нашей с Адрианом долгой совместной жизни прост: на свете нелегко отыскать человека с меньшим количеством заморочек, чем он. Никогда не присматривается ко мне, не пытается угадать – какая я сегодня, что я чувствую, чем страдаю, не появилась ли на моем лице новая недовольная складка. Нет, Дрюша легко перескакивает с одного на другое. Для него везде радость, во всем можно найти хорошее и интересное, даже в куске дерьма. И само собой разумеется, что в представлении Адриана все остальные люди видят мир исключительно в солнечном свете. Никто не грустит, так незачем и спрашивать.

Короче говоря, долго со мной может быть только именно такой, очень невнимательный человек. Чтобы не приходилось ему объяснять, почему мне удастся делать элементарные вещи только после долгой прокрастинации и за три подхода вместо одного. Или почему я до сих пор в кровати. Или наоборот – почему меня часами нет дома и я не беру трубку. Станных не любят... А мне неловко оставаться с человеком, который в курсе, что я странная.

С Адрианом можно общаться, улыбаясь до ушей, и одновременно обдумывать, как с этим всем, наконец, покончить. Как выйти из чата “Планета Земля” и навечно обрести покой. Он ничего не заметит.

Поэтому Дрю – идеальная для меня пара. Есть только один большой минус: его родственники.

В прошлом месяце мы посетили семейный праздник. Шумная компания, крики детей, объятия, выяснения отношений... Адриан с привычным удовольствием влился в процесс, а на меня опять словно опустилось темное облако, что не давало мне нормально дышать. Ощущение собственной неправильности и чуждости вновь загнало меня в тревожный угол.

– Бандита-а, бандита-а!! – истошно кричала многодетная родственница Дрю, нежно подбрасывая младенца.

– Бандита-а, джигита-а!

В семье Адриана радовались жизни, вкушали каждый момент, как спелую клубнику. Говорили они помногу, и я никогда толком не понимала - о чем. Вроде по отдельности все слова знакомы, а в предложения не складываются.

После знакомства со мной родственники начали завозить нам с Дрюшей мешки овощей со своего огорода: почти всегда перезрелых, малосъедобных, а среди них пучки каких-то незнакомых остро пахнущих трав непонятного назначения. Я так и не осмелилась признаться, что понятия не имею, что это за травы. Родственники были настолько уверены, что делают благое дело, что становилось страшно их разуверять.

Принимала я всё со знающим видом, будто бы мысленно уже отправила пахучие растения в дело, а не в мусорное ведро.

Потому что нельзя показывать, что на самом деле тебя воротит от повседневных «нужных» хозяйственных хлопот и мелочей. Этому нет и не будет объяснения, кроме того, что ты непонятно зачем родившийся не туда урод.

С луны свалилась, что ли? Это на луне можно банки не закручивать, да полы не скрести. А ты на планете Земля, и вон у тебя мужик неухоженный сидит.

Впрочем, не знаю, зачем я столько всего вам наговорила. Видимо, чтобы оттянуть рассказ о том, что со мной произошло дальше. Знаю, что не поверите, а кто-то даже воскликнет «Во сочиняет!». Если бы...

На Корею я копила долго. Мной двигало любопытство. Хотелось видеть – какие они, люди моего этноса. Какая она, земля предков.

Наконец, все было готово к путешествию в новый мир.

И с настроением ко времени поездки повезло. Ноль тоски, одно сплошное эпикурейство. Я с наслаждением окунулась в совершенно непохожую на нашу повседневность. Любая мелочь вызывала восторг, а неукротимое любопытство вело за каждый поворот.

Интересно, мои предки тоже так себя вели, как эти сеульцы вокруг меня? Они это ели, носили похожую одежду – те самые люди, частица которых есть и во мне?

Я благополучно осмотрела столицу Южной Кореи Сеул и шальной портовый город Пусан, – храмы, городские парки. Дорожка для моциона, построенная прямо над водой, булыжные тропинки для массажа стоп, километры велодорожек!

Корейцы надевают яркие спортивные костюмы и поднимаются в горы. Вершины видны прямо в городах, среди многоэтажек. Заниматься горным туризмом называется здесь “делать тынсан”. И для здоровья полезно, и предков на вершине можно помянуть, с угощением.

По выходным пестрые людские ручейки заполняют улицы, устремляясь к началу восхождения. А кто уже спустился – оседают в шиктанах, маленьких кафе.

Что я успела, пока меня в очередной раз не накрыло? Тоже «сделала тынсан»: взойшла на скалу Ульсан-Бави, “Плачущую гору”.

А на острове Канхвадо насладились тишиной, сельскими просторами и морем. Взорвалась на гору Манисан, чтобы посмотреть на древний алтарь.

Я исследовала местность, где остались мои корни, впитывала звучание корейского языка, на котором думал мой предок, смотрела как корейские семьи, с полными рюкзаками поднявшись на вершину, раскладывали подношения своим предкам. А я-то и не догадалась ничего взять! Жаль, можно было поучаствовать в ритуале, подсматривая, что и как делать.

Всё было хорошо, все было как надо. Полная впечатлений, несомая зашкаливающими эмоциями, я вернулась в Сеул и блаженно растянулась на кровати очередного отеля. На исследование Кореи мне оставался всего один полный день, а потом – самолет домой.

Но наутро я проснулась будто с осиновым колом, прошившим меня с головы до ног.

Свинцово-тяжелая, тревожная аура окутала все тело. Перед глазами повисла беспросветная темень, в которой мелькали головы моих демонов с острыми ушами.

Груз всей прошедшей жизни придавил меня к кровати с самого утра – и нет, это было не из-за того, что закончилось путешествие. Просто в очередной раз произошла замена меня на меня другую. Снова перекосило угол видения мира: то, что было цветным – стало серым, а в сферах, где я считала себя талантливой, теперь притаился безнадежный лузер и самозванец.

Свалиться в апатии, пока находишься в путешествии – такое себе дело. Это гораздо хуже, чем свалиться дома. Получается, ты оплачиваешь гостиницу только для того, чтобы лежать на кровати тяжелым кулем, задвинув шторы. А самобичевание при этом зашкаливает: ведь ты находишься в суперинтересном месте, где столько всего можно увидеть. И каждый нормальный человек бы... каждый нормальный, да. Но не ты, снова не ты. Ты – лежишь.

Только посмотри на себя в зеркало, на что ты похожа! Не могла взять себя в руки и дотянуть до конца поездки...

А теперь что, теперь – только пережить этот период. Потом настанет другой. Ничего нового.

Я с диким трудом оторвала себя от лежбища и распахнула окно своего гостиничного номера. Внизу гомонил, гудел многоликий трудяга Сеул. Сходились и расходились человеческие потоки: мелькали ухоженные девичьи личики, модные юношеские стрижки на смоляных крепких волосах. Палли-палли! Быстро-быстро! Не застревай на турникетах метро, на тротуаре, не застревай нигде!

Знакомые мрачные вибрации прошивали мое тело и разум. Все вокруг виделось в негативном ключе: люди тебя презирали, ноосфера – не хотела принимать. Да что там – весь мир был сплошной опасной ловушкой. Только и ждал, как бы одним щелчком доразрушить твой лузерский карточный домик.

От блаженной эйфории не осталось и следа.

Обычно моя светлая фаза не сменяется на темную так резко. Нет, сначала где-то в районе солнечного сплетения появляется краткое ощущение тревоги, как предвестье конца всего хорошего. Будто давит на пупок чей-то роковой палец.

«Это так, ерунда, секундное помрачение», – думаю я. Однако, палец становится все настойчивее, а нажатия – длительнее. И вскоре обрушивается оно. Темное пожиралово. Один, но большой и жадный лангольер.

И больше у меня нет ничего.

Я перевела взгляд на высокое острие башни Намсан. Угрюмое сооружение тянулось вверх на фоне серых облаков. Еще вчера я не видела в этом пейзаже ничего мрачного, но сегодня башня гляделась угрожающей пикой.

Я вспомнила о своих планах на сегодняшний день, составленных всего лишь вчера, но как будто в другой жизни. Сегодня мне совсем не хотелось толкаться в городских джунглях среди снующих прохожих. Смотреть, как они сосредоточенно бегут по важным делам, как каждый шаг приближает их к давно заданным жизненным планам. И в итоге – к успеху. Во времена моих темных состояний эта картина вызывала отчаянную зависть и еще больше усиливала ощущение собственной никчемности.

Ведь у меня-то в жизни нет никаких далеко идущих планов и устремлений. А нет планов – нет и достижений. А нет результатов – нет и ликования по поводу достижения достижений. Мне бы смочь из номера выйти – уже была бы победа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.